

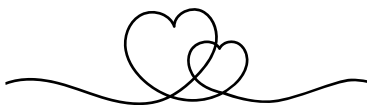
Любовь
крупным
планом

Мария Метлицкая

**ЛЮБОВЬ
НАС ДЕРЖИТ
НА ЗЕМЛЕ**

СБОРНИК РАССКАЗОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Ранее рассказы были опубликованы
в составе других сборников

Метлицкая, Мария.

М54 Любовь нас держит на земле : сборник рассказов /
Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с.
ISBN 978-5-04-235807-4

Теплые ироничные истории о женщинах, которые живут «как получится», вспоминают «как было», мечтают «как должно быть» и смеются, даже если хочется плакать. Здесь и тихая боль утрат, и смешные бытовые неурядицы, и трепетные моменты, когда запах сирени возвращает к счастью. Метлицкая нежно и метко показывает, что именно любовь — в мелочах, памяти и людях — удерживает нас на земле.

Новый сборник рассказов от признанного мастера современной прозы!

Крупный шрифт — для комфортного чтения по любви.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235807-4

© Метлицкая М., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Ассоциации, или Жизнь женщины

И как возникает, на уровне подсознания, что ли, эта сильная память сердца и души — воспоминания? То, чего у нас точно никто не сможет отнять. Что точно — только наше. И странно, но с годами яснее и четче вспоминаешь о чем-то хорошем — какая-то защита памяти, что ли, да нет, плохое тоже не забыто, но, слава богу, как-то стоит вторым рядом. Хотя, справедливости ради, помню все.

Сначала визуальные: какие-то места в Москве, такие привычные и родные (хотя как варварски их пытаются сегодня изменить!). Вот здесь я бродила со своим первым мальчиком, вот здесь до одури целовалась, а здесь, здесь мы так яростно

и отчаянно ссорились. Здесь прощалась навсегда с близкой подругой, а здесь, в этом доме, были самые бессонные и трепетные ночи в моей жизни. А отсюда я вышла на свет божий, держа в руках сверток с сыном — конверт с голубыми шелковыми лентами.

А музыка? А самые острые воспоминания — запахи? Теплый подмосковный дождь — это точно запах детства, перрон, сосны. Вдох глубокий-глубокий. Да, это дача. Юная и беспечная дачная жизнь — мальчишки, велосипеды, гитары, речка, сено, стук сердца где-то в горле. Все это — ощущение абсолютного счастья и того, что все еще впереди.

Это еще нестарая и крепкая бабушка, державшая на своих плечах большую семью, ее обеды, которые я торопливо проглатывала, потому что мне надо бежать, да просто некогда мне, и все. Дача — это маленькая сестра и постоянный страх за нее, так сильно я ее люблю. Это выходные и мама с папой с сумками вкусностей. Мы с се-

строй часами встречали родителей на дороге, держа за руки.

Это совсем еще молодые и здоровые родители. Выпускной — начало огромной, прекрасной и пугающей жизни. В мусор — старую, ненавистную школьную форму вместе со школьной опостылевшей жизнью. Весь мир у моих ног! И все главное впереди. И еще песня: «Прощай и ничего не обещаешь...» — которую ночью мы орем во все глотки и все равно обещаем друг другу, обещаем. И эта песня тоже на всю жизнь: мой выпускной и моя многообещающая юность.

А зеленое шифоновое платье с розовой вышивкой — это свадьба, и я — невеста и красавица. И полное счастье, потому что я по уши влюблена. И именно в таком состоянии я собираюсь прожить всю оставшуюся жизнь. Но... Не вышло.

А крошечная желтая распашонка с утятами и клеенчатые бирочки с почти стершимися буквами. И красная пластмассовая рыбка — то, что ты просто не смог сломать, сынок, мой бородатый,

мускулистый взрослый мальчик. Это — из твоего детства, а значит, самое главное из моей жизни.

Запах терпкого одеколона и сирени, запах моей тайной любви и тайных, торопливых свиданий. Мои лучшие стихи и мои самые большие выдумки. Наши вороватые ночи и запретные ласки. Моя самая большая любовь!

Но когда-нибудь, когда-нибудь неизбежно уйду я, и уйдут вместе со мной мои воспоминания, все мои ассоциации, весь мой мирок — со всеми вытекающими, нужными мне и ненужными остальным подробностями. Моими мыслями, переживаниями, так разрушающими меня и впоследствии, как правило, кажущимися и мне самой нелепыми и смешными, моими чувствами, страхами, тоской, желаниями что-то изменить в жизни и в себе самой — и почти всегда оставшимися лишь мечтами. Моими комплексами, обидами, моей злопамятностью — или этим страдают все женщины? Моим постоянным недовольством собой и рутинной. И мысль, что я все-таки состоя-

лась, пройдя самый важный и тяжкий путь на земле — матери и жены. Надеюсь, что я исполнила его хотя бы на четверку.

И уйдут вместе со мной мои сомнения и желания, отложенные в долгий ящик и так и не сделанные дела. И уйдет то, что я просто не успела, — неувиденные страны и города, непрочитанные книги, ненадетые наряды, непосаженные цветы. Несказанные добрые и мудрые слова, несовершенные яркие и просто хорошие поступки. И то странное чувство, что я не всему научила сына, не все отдала матери, не все сказала мужу, не обняла сестру, не объяснила подругам, как много они для меня значат. Я так много не успела, оказывается!

Господи, а что же я делала всю свою жизнь? Ведь у меня было достаточно времени! Как нудно и тщательно я вываривалась в собственном соку — хлопот, болезней, обид, пустых усердий и прочей колготни. Как много потратила я на это сил. А самое важное? Успела ли я сделать это? И что это — самое важное? Неужели я все-таки

этого не поняла? Господи, куда меня занесло, а начиналось ведь так трогательно — воспоминания. И вот ведь в какие дебри! И еще: я часто рассматриваю фотографии каких-то уже совсем далеких предков или просто случайных незнакомых людей, где на коричневых картонках стоят либо сидят стройные или не очень, но точно подтянутые люди, непременно в «позах» (тогда ведь не было случайных фотографий), и долго и внимательно вглядываюсь в их лица. Тогда не заставляли людей «невпопад». Тогда они всю контролировали «выражение лица». А глаза? Вот глаза... Вглядываясь в эти лица, я вижу усталые или встревоженные глаза и обеспокоенность, напряжение, тоску чаще, чем вольную радость, ей-богу, чаще. И размышляю о том, что вот уже несколько десятков лет нет ни их самих, ни даже их внуков, нет ни забот, ни болезней, ни тягот. Ведь все это было очень давно, между прочим, в позапрошлом веке. Исчезли они, а вместе с ними их мир — тревожный и прекрасный. И можно долго

размышлять и фантазировать, глядя на эти портреты.

Или вот, кстати, в руках у меня оказалась (это про ассоциации) известная уже столько десятков лет толстенная книга Елены Молоховец, конечно переизданная. Листая ее вечером на любимой даче, в кресле, под оранжевым абажуром, я подумала: ох какая обстоятельная девушка была эта Молоховец! Как старалась все учесть, во все уголки и закутки быта заглянула, чтобы облегчить жизнь молодым да нерадивым. И наверняка помогала. Не сомневаюсь. Такой популярной и настольной была ее книга в те годы, думаю, зачитывали до дыр. И что-то завертелось в голове, выстроилось, и вот что из этого получилось.

Итак, прошла, прошелестела свадьба, скромненько, без особой помпы, да и к чему? Женился человек солидный, вдовец, чиновник, имеющий собственный небольшой дом на Пречистенке и прибыльное поместье в Смоленской губернии. Первая жена, царствие ей небесное, сконча-

лась первыми родами, завершившимися очень печально — младенец тоже не выжил. Год отходя в трауре, господин N (назовем его так) девицу берет уже крепкую, полноватую и рослую, не в пример худосочной, с темноватой кожей и впалыми испуганными глазами первой жене.

Вот теперь-то, задним умом, он думает о том, что не была здорова его первая супружница, да упокоится душа ее!

Вторая невеста рыжеволоса чуть-чуть и самую милую малость конопата. Она из семьи очень среднего достатка, в чем тоже есть свой резон: не избалована. Скромна, стеснительна, легко краснеет, мило теребит края шали и приятным движением поправляет гребень с перламутром в тяжеловатых, слегка вьющихся медных волосах. Итак, свадьба проходит спокойно и чинно, без излишеств, но сытно. Хотя тещу сразу осадили — уж больно много хотела заказать к столу икры и белорыбицы. Да и вообще теща его уже порядком раздражала, на его расчетливость не-

довольно поджимала губы и, кажется, делала первые выводы.

Впрочем, и он свои выводы сделал: тамап привлекать к дому как можно меньше, пусть будет и этому рада, ведь, положив руку на сердце, не так уж чтобы очередь стояла просить руки ее дочери. На свадьбу он дарит невесте сапфировый браслет покойницы-жены, она как-то это чувствует и горько и безутешно плачет, плачет всю ночь перед свадьбой, а утром, глядя на ее припухшие глаза, все решают, что так она прощалась со своим девичеством, и... умиляются.

После свадьбы она входит в мужнин дом, где ей все ново и чуждо, где еще пахнет другой женщиной, где она иногда находит то булавку, то шпильку и быстро бросает их, словно это гусеница. После первой ночи она боится смотреть на мужа и не хочет выходить к завтраку, притворяется, что долго спит. А он зовет ее и твердым голосом просит, чтобы к завтраку она пусть неприбранная, пусть в капоте, но выходила — таково

его желание. Она заливается краской и кивает, рассеянно пьет кофе, крошит булочку и почти не слышит, что он ей говорит. Хотя, справедливости ради, ничего плохого и тем более страшного той ночью не было, да и противного тоже. Но вспоминать ей почему-то все равно этого не хочется.

Муж уходит на службу, и она остается одна в двухэтажном семикомнатном доме, где живет еще его, мужа, больная сестра, не выходящая из своей комнаты-закута с узким и темным окном, смотрящим на дровяной сарай. Еду ей носят в комнату. Стрижет и моет ее неряшливая горничная с мышинным и вороватым лицом.

— Она не будет тебе докучать, она у нас тихонькая, — предупредил об убогой родственнице муж перед свадьбой.

В доме есть и грубоватая, с насмешливым взглядом кухарка, служившая еще при прежней хозяйке. Она заходит и с ухмылкой на толстых губах спрашивает у молодой барыни, что приготовить на обед. Барыня опять краснеет и теряется.

— А что барин любит? — смущенно спрашивает она. — Вам-то виднее.

Кухарка усмехается и понимает, что остается здесь хозяйкой навсегда. Это ее, видимо, вполне устраивает, и, тяжело ступая, она уходит на кухню рубить петуха. Вздыхая, молодая жена оглядывает столовую, где они только что пили кофе, и замечает, как плохо вымыто окно, как много пыли на тяжелых, местами заштопанных и выгоревших портьерах, замечает потертый, с большим пятном ковер, и старые выцветшие обои, и пыль на мрачных картинах, и шербатые чашки. И это ей все не нравится. Ох как не нравится.

Она потихоньку обследует дом и в первой же комнате, под лестницей, думая, что это кладовая, видит недоразвитую сестрицу, свою золовку. Та, бедная, испуганно забивается в угол, и лицо ее видно плохо, свет тусклый, воздух смрадный, посреди каморки стоит ночной горшок без крышки, а на столе — остатки пирога, засохшие корки и немытая чашка. И запах, запах тлена, плесени,

болезни и безумия. Кошмар. Она быстро захлопывает дверь, поднимается в спальню, садится на пуфик и опять начинает безудержно и горько рыдать. Ей кажется, что почему-то попала она в плен и что скоро сама превратится в безумную. И клянет свою неудавшуюся жизнь, которую она представляла как-то совсем иначе.

В тоске она оглядывает комнату и почти явственно ощущает присутствие и запах той женщины, первой жены, скончавшейся так недавно. И опять начинает плакать.

Но днем заезжает татап, придирчиво оглядывает дочь, хмурится, ей тоже как-то все не очень нравится, сует нос в кухню, приподнимает крышки кастрюль и чугунов, резким словом ставит кухарку на место, грозит пальцем горничной с мышиным лицом. Осеняет крестом дочь и, тяжело вздохнув, уезжает — у нее визиты, магазины, да и вообще дел невпроворот.

— Да, душа моя, — говорит она уже у пролетки, — чуть не забыла, это тебе. Развлекись,

да и ума наберись. Разумнейшая вещь для таких вот, как ты, молодых и неопытных дам. Мне-то это уже ни к чему. — И протягивает дочери толстенную книгу: Елена Молоховец. «Подарок молодым хозяйкам». — Ну, с Богом, и хватит, пожалуй, уже рыдать.

И, отъезжая, расстроено думает: ничего, пройдет, это у всех бывает, через неделю-другую пройдет, успокаивает она себя. Почти наверняка зная, что так и будет. Почти наверняка.

А еще позже, к вечеру, заскочила, именно заскочила на полчаса на чашку чая любимая кузина — легкая, с тонкой талией, в модных туалетах и облаке последних ароматов Парижа. С самыми последними сплетнями и таинственными рассказами о себе. Она слушала ее затаив дыхание, и гулко стучало сердце. Грустно подумалось, что у нее никогда не будет такой тонкой талии и загадочных и волнующих историй. Кузина улетела. А она, промаявшись, легла спать — не ко времени, вечером. Сон ей не шел. Опухло лицо, и разболелась голова.

К приезду мужа заново причесалась, брызнула духами, надела длинные серьги с изумрудами — подарок матери к свадьбе. Муж пришел усталый, недовольный, взглянул на нее мельком и спросил: «К чему такой парад?» Губы задрожали, он увидел это, слегка смягчился и за ужином был опять приветлив. Потом долго читал газеты, пил чай и уснул на оттоманке в столовой.

Именно так, в пыли портьер, под жужжание полусонных мух и ворчание усатой кухарки, безрадостно и монотонно протекали дни ее жизни. Из развлечений — редкие гости по субботам: муж не любитель компаний; иногда, крайне редко, выход в театр — а в театре он опять уснул и даже слегка всхрапнул, и она не знала, куда деться от стыда. Какой уж с ним театр! По средам ездила к татап, обедала — это был хороший день. По пятницам муж играл у соседа в бридж, и она всю ночь не спала и нервничала: а вдруг проиграется?

Но постепенно жизнь не то чтобы наладилась и обрела смысл, а стала привычной. Она поч-

ти перестала плакать и как-то смирилась. Пока однажды случайно не наткнулась на подарок татап — ту самую толстенную книгу «Подарок молодым хозяйкам». Присела в кресле, захрустела яблоком и... И с каждой страницей стала отчетливее понимать, что живет пусто и зря, не интересуясь главным — своим домом и семьей, почти наплевав на все это. Ладно была бы дамой светской, как, скажем, кузина, у которой весь смысл жизни в романах и нарядах, а у нее жизнь протекает, и ладно. И все не так и не то. Как-то непростительно и глупо, непозволительно так пусто жить! А муж — он просто должен бы был презирать ее за такую лень.

Взяв карандаш и блокнотик, стала она подчеркивать и выписывать то, что посчитала важным и главным, — и рецепты, и по части экономии, и про запасы и хранение, и все по части дома и сада, и как с прислугой управляться, и целый огромный список дел и правил вывела. И распорядок образовался, и планы наметились, и оказа-

лось, что у нее дел невпроворот, только успевай — где уж тут скучать и томиться.

Как-то вечером она завела робкий разговор с мужем, поймав его в добром настроении, — о переустройстве дома: дескать, все старое, ветхое, лапаное. Он отмахнулся — дорого, поди. А она ему так ловко бумажечку под нос: и про то, и про это, и где что почем и по сколько. Это — там купить, а это — здесь выгода. И совсем-совсем недорого.

— Ну, как тебе, милый?

Он, будучи человеком практичным, удивился такой работе, заинтересовался, нацепил очки на нос — и деньги выделил (без особой, правда, радости).

И закипела работа! Началась жизнь — кончилось сонное царство. Славься, великая Молоховец, на дело сподвигшая нас!

Сдирали старые шторы — пыль столбом, срывали обои — летели семейства клопов, выкидывали битые кастрюли и плошки, трудились хитрые и вороватые халтурщики (во все времена).